

Глава третья. Новая эпоха Просвещения

На исходе второго тысячелетия человечество обнаружило значительное проявление самовлюбленности, по степени которого превзошло даже самых своих прославленных предшественников. Оно отличается благоговейным почитанием лидеров нового идеалистического мира, впервые в истории приверженных «высоким принципам и ценностям» и «не жалеющих своих сил для борьбы с несправедливостью». Настала эпоха просвещения и филантропии, когда цивилизованные нации во главе с США «в зените своей славы» действуют, исходя из «альтруистических побуждений», полагаясь на «свой нравственный пыл», ради достижения возвышенных идеалов{98}.

Такие коренные перемены стали бы действительно большим утешением для всех нас. И все же, перед тем как присоединиться к многоголосой ликующей толпе, необходимо пересмотреть некоторые упрямые факты.

В первую очередь необходимо отметить колоссальное количество свидетельств о вспышках террора и преступной жестокости, которые в последние годы санкционируются господствующей сверхдержавой и ее союзниками и имеют такую же интенсивность, что и раньше. Критика этих проявлений агрессии подавляется так же, как и прежде, в соответствии с нормами превалирующей интеллектуальной культуры, соображениями особенной значимости, которые нельзя исключать из современного исторического процесса по чьему-то желанию.

При более внимательном рассмотрении придется признать, что за последнее тысячелетие «война оставалась прерогативой европейских государств». Придется отказаться от признания очевидных причин современных проблем, в основе которых лежит «главный и наиболее трагический факт: применение силы — эффективно, использование военного давления на своих оппонентов позволяет добиваться необходимых уступок, за которыми стоит приобретение финансовых средств, ресурсов, уважения и авторитета. Одним словом — доступ ко всему, чего лишены слабые государства»{99}. В этом состоит не только данность, которую принимает значительное большинство людей в мире, но и принцип управления государственными делами, который был погран, как мы теперь знаем, не в первый раз.

Чтобы понять смысл новой мировой политической повестки, которая была принята всеми с большим энтузиазмом, стоит отследить основные маршруты поставок американской военной помощи. За отправную точку возьмем 1997 год, когда все с восхищением говорили, что американская внешняя политика вступает «на путь благородных дел» с практически «ангельской самоотверженностью», задавая тон всей последовавшей красочной риторике.

Если рассматривать голые факты, то 1997-й был особенно знаменательным годом для правозащитных движений. За один этот период объем военных поставок США в Турцию превысил показатели американской военной помощи этой стране за все время холодной войны, до начала кампании по подавлению восстаний угнетаемого курдского населения. В 1997 году, в результате осуществления данной кампании, ставшей одной из самых страшных трагедий суровых 1990-х годов, миллионы людей вынуждены были покинуть свои разрушенные жилища. Десятки тысяч были убиты, а большинство подверглось всем самым немыслимым формам варварского насилия. По мере возрастания уровня внутренних репрессий Турция стала основным в мире получателем вооружений США, обогнав Израиль и Египет, в структуре импорта вооружений которых поставки из этой страны занимают 80 процентов.

В том же году началось резкое увеличение объемов военной помощи США Колумбии. Суммарная стоимость контрактов к 1999 году увеличилась с 50 млн долларов до 290 млн и продолжает быстро возрастать и по сей день. Именно в 1999 году Колумбия отобрала пальму первенства у Турции как у главного мирового потребителя американских средств вооружения. Нарастание темпов обеспечения оружием внутренних конфликтов, которые стали привычным атрибутом несчастливой повседневной жизни некогда успешного колумбийского общества, ставшего заложником нищеты и насилия, имело свои предсказуемые последствия для измученного народа. Оно послужило важной причиной формирования целой армии из разрозненных партизанских групп, которая установила режим террора сначала над крестьянским населением, а в дальнейшем и над городским. Наиболее известная колумбийская правозащитная организация оценила общее количество вынужденных переселенцев в 2,7 млн человек, и это число продолжает с каждым днем увеличиваться на юо человек. Она указывает, что более чем 350 тысяч человек под угрозой силы были вынуждены покинуть свои дома в первые девять месяцев с начала 2002 года. Это больше, чем за весь предыдущий год. По сведениям данной организации, число убийств по политическим мотивам возросло до 20 в день, что вдвое больше аналогичных показателей в 1998 году.

Что касается получателей американского оружия — властей Колумбии — то они хранят молчание и продолжают закручивать гайки.

Для сравнения стоит взглянуть на наиболее опасного и демонизированного представителя «оси зла». «Нью-Йорк таймс» писала «о миллионе иракцев, ставших вынужденными переселенцами, а в конце статьи было сделано аккуратное заключение о том, что эта гуманитарная трагедия стала лишь одним из следствий правления Саддама Хусейна»{100}. Статья была озаглавлена: «Иракские вынужденные переселенцы винят во всем войну». Никто не поинтересовался, как сильно винят войну курды и колумбийцы, потерявшие свои жилища в результате жутких репрессий, при том, что их число явно превышает количество их иракских братьев по несчастью. На самом деле, об этом абсурдно спрашивать. Руководство США могло облегчить страдания всех этих людей или создать возможности для разрешения глубинных проблем данных стран, если бы прекратило поддерживать отвратительную политику их властей. Однако это требует хоть некоторой доли решимости просвещенных слоев американского общества, чтобы взглянуть в зеркало, вместо того чтобы ограничиваться стенаниями по поводу ужаса преступлений официальных врагов, с

которыми, как правило, вряд ли что-то можно сделать.

ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР И КОСОВО

В то время, когда Колумбия сменила Турцию в качестве основного потребителя военной продукции США, началась другая холодящая сердце история, развитие которой также напрямую зависело от США — Восточный Тимор. В 1999 году на территории Индонезии, которая принадлежала ей с 1975 года, произошли столкновения, в результате которых погибли 200 тысяч человек. Власти Индонезии пользовались дипломатической и военной поддержкой США и Великобритании, они же руководствовались принципами «умышленного неведения». В первые месяцы 1999 года вооруженные силы Индонезии при поддержке их сторонников в национальном парламенте увеличили своими действиями количество жертв еще на несколько тысяч{101}.

Военное командование пригрозило усилением мер в случае, если население на референдуме о независимости, который должен был состояться 30 августа, проголосует не так, как надо властям. Стоит отметить мужество граждан, которые проголосовали за независимость. Индонезийские военные, в свою очередь, выполнили обещание и заставили сотни тысяч людей покинуть их дома, подвергли разрушению большую часть страны. Впервые свидетельства репрессивных мер получили освещение в американской прессе. 8 сентября администрация президента Клинтона выпустила официальное обращение, в котором подтвердила ранее принятую позицию: Восточный Тимор «подотчетен правительству Индонезии, и мы не хотим нарушать сложившуюся систему отношений». Несколько дней спустя, при сильном давлении международного сообщества и граждан Америки, Клинтон в одночасье свернул двадцатипятилетнюю политику поддержки преступной деятельности Индонезии в Восточном Тиморе и сообщил индонезийскому военному руководству, что США не намерены далее оплачивать их преступления. Индонезийские военные моментально вышли с занимаемых территорий, позволив австралийскому миротворческому контингенту ООН занять нейтральные территории{102}.

Вывод из всей этой истории прост: как неустанно твердила горстка оппозиционных активистов и критиков индонезийского режима на протяжении последних двадцати пяти лет, не было никакой необходимости применять угрозы и силовые меры. Достаточно прекратить быть соучастником одного из самых ужасных преступлений конца XX века, чтобы остановить насилие. Но никто не извлек урока из данных событий. Вместо этого, в связи с возникновением угрозы имиджу США, была запущена целая доктринерская система, позволившая подобрать нужные доводы и представить ситуацию в благоприятном свете. События в Восточном Тиморе продемонстрировали, что внешняя политика США приобрела более благородные черты по мере того, как лидеры цивилизованного Запада подтверждали свою приверженность «высоким принципам и ценностям».

Такая обработка смысла происходящего свидетельствует о значительных достижениях политтехнологов Белого дома. Возможно ли скомпоновать гипотетический событийный ряд таким образом, чтобы обоснование целесообразности того или иного политического решения не представлялось бы возможным.

Ситуация в Восточном Тиморе является важным примером, который раскрывает суть новой эпохи Просвещения и служит иллюстрацией нормы «гуманитарной интервенции» в действии. Хотя здесь не было никакой интервенции, не говоря уже о «гуманитарной»{103}. Все страны, находящиеся на пике своей популярности, открыто заявляли о своем участии в преступлениях, совершаемых в Индонезии на протяжении десятилетий, вплоть до момента, когда раздалась возгласы одобрения.

Однако главной иллюстрацией того, что новая эпоха Просвещения вступила в свои права, стал конфликт в Косово, где США и их союзники действовали непосредственно и проявили значительную степень «альтруизма» и «нравственного рвения». Они «внедряли кардинально новый подход использования силы и превосходства в международных отношениях», когда «в ответ на депортацию более миллиона косоваров из их родным мест» были нанесены бомбовые удары, которые якобы служили целям «защиты и избавления бесправных косоваров от страданий»{104}.

Именно такая версия событий принята в академических курсах истории. Статьи в СМИ, аналитических журналах и мнения академической среды редко в чем-то от нее отличаются. К примеру, в некоторых статьях говорилось, что в ответ на «вспышку насилия» в Косово в 1998 году сербские вооруженные силы «провели серию этнических зачисток, что заставило более половины албанского населения оказаться в изгнании... Продолжающееся кровопролитие вынудило власти США и их союзников... провести массированную бомбардировку... в результате которой албанские беженцы смогли вернуться в места своего проживания»{105}. «Весной 1999 года оказалось, что [сербями] была осуществлена еще одна зачистка». «Албанские косовары вынуждены были спасаться бегством и, уходя на территории соседних регионов, пересказывали многочисленные истории о массовых казнях и принуждении покинуть места их проживания». Эти факты «спровоцировали бомбовые удары сил НАТО» 24 марта{106}. Таким образом, военная кампания в Косово была направлена «исключительно на обеспечение безопасности жителей региона... стала актом милосердия, по существу», равно как и участие вооруженных сил США в данном конфликте{107}. Это было «абсолютно правильное решение», считает известный политолог Тимоти Гартон Эш. «Многочисленные убийства и этнические чистки, санкционированные властями Сербии, грозили перерасти в полномасштабный геноцид, и поэтому откладывать осуществление военного вмешательства более не представлялось возможным»{108}.

Несомненно, этот прецедент убедительно обосновывает необходимость вступления альтруистично мыслящих мировых лидеров в новую эпоху Просвещения. Однако это возможно лишь в том случае, если чистота и благородство их намерений получат конкретное подтверждение.

Приведенные выше цитаты интересны, так как они в определенном смысле типичны. Во-первых, в них содержатся оценки без каких-либо подтверждений, в то время как западные страны располагают значительным количеством надежных источников. Во-вторых, стандартная картина меняет привычный ход вещей. Бесспорно, бомбардировки последовали за этническими чистками и проявлениями насилия, которые, но сути, стали неизбежным следствием вмешательства Запада (они были предсказуемы в связи с готовящимся нападением Запада).

Еще до бомбардировок НАТО в Косово сложилась тяжелая ситуация. За год до известных событий жертвы с обеих сторон достигли двух тысяч человек. Тем не менее многочисленные документальные свидетельства не подтверждают кардинальных перемен в ходе конфликта до 24 марта, когда начались бомбовые удары, за исключением незначительной активизации сербских сил за два дня до бомбардировок. Именно в этот момент, в преддверии начала военной операции НАТО, были отозваны международные наблюдатели. Неделю спустя ООН начала вести регистрацию беженцев. Все эти ключевые факты стали широко известны к маю 1999 года, когда было объявлено о свержении Милошевича. В официальных сообщениях подробно описывались все ужасы преступлений его режима, большая часть из которых была, тем не менее, совершена после начала бомбардировок.

24 марта, сразу же после авианалета, министр обороны Великобритании Джордж Робертсон (впоследствии он стал главой НАТО), выступая в Палате общин, заявил, что к середине января 1995 года «Армия освобождения Косово (АОК) совершила больше убийств, чем власти Сербии». Его утверждение относилось к группе албанских партизан (к тому времени их уже поддерживало ЦРУ), которые откровенно признавались в том, что убивали сербов с целью спровоцировать жесткую ответную реакцию сербской стороны, чтобы заставить в конечном счете европейцев поверить в необходимость осуществления военного вмешательства НАТО. Парламентское расследование обнаружило, что еще 18 января министр иностранных дел Великобритании Робин Кук докладывал Палате общин, что АОК «чаще нарушает условия перемирия, и до сегодняшнего дня за ней числится больше убийств, чем за [югославскими] спецслужбами»{109}.

Под «сегодняшним днем» Робертсон и Кук подразумевали бойню, устроенную 15 января югославскими спецслужбами в Рачаке, в результате которой, по официальным данным, погибло сорок пять человек. Тем не менее, поскольку свидетельства, собранные властями европейских стран, показывают, что после событий в Рачаке обе стороны несли примерно одинаковую ответственность за проявление насильственных действий, позиция европейских лидеров, сформированная к январю, должна была, по сути, остаться неизменной в марте. В этот момент было явно заметно, что подобные кровопролитные столкновения не представляют особой значимости для руководства США и Великобритании. К тому же события в Косово оттенили произошедшее вскоре столкновение в Ликисе в Восточном Тиморе, которое носило гораздо более ужасающий характер. Данное столкновение было лишь одним из целого ряда конфликтов в Индонезии и объяснялось далеко не соображениями национальной безопасности. Это и многие другие трагические события не заставили США и Великобританию прекратить помощь индонезийским захватчикам. Не будем останавливаться на подробном рассмотрении избирательности данного подхода мировых держав, вернемся к обсуждению того факта, что многотомный архив документальных свидетельств, собранных правительственными структурами европейских государств, не выявил каких-либо драматических сдвигов в ситуации в Косово до начала массированных бомбардировок.

К такому же заключению пришли многие серьезные ученые. Николас Уиллер, который никак не заинтересован в нарушении хронологического порядка событий, оценил, что количество убитых сербской стороной албанцев до бомбардировок НАТО составляло 500 человек, при этом на совести АОК числится 1500 убитых. Вместе с тем он заключил, что бомбардировка

Сербии является классическим примером «гуманитарной интервенции». «Хотя только несколько сот албанцев были убиты» до начала бомбардировок, «именно это, по мнению разведки, стало главной причиной начала кампании убийств и этнических чисток». Опять же, бесспорных подтверждений здесь нет{110}. Это одна из немногих серьезных попыток найти объяснение целесообразности бомбардировок НАТО, помимо версии, опирающейся на нарушенную хронологию событий.

27 марта, спустя три дня после начала бомбардировок, Уэсли Кларк, главнокомандующий объединенной группировкой НАТО, сообщил журналистам, что постыдная реакция сербских властей была «полностью предсказуема». Он добавил, что эта реакция была «в полной мере ожидаема» и «никоим образом» не представляла причин для беспокойства западного политического руководства. В книге воспоминаний Кларк пишет: 6 марта он сообщал госсекретарю Мадлен Олбрайт, что в случае, если НАТО продолжит наносить удары по Сербии, сербские власти «с большой долей вероятности подвергнут террору гражданское население», а НАТО уже не будет в состоянии защитить мирных жителей. В рецензии к книге Кларка Майкл Игнатъевф отметил, что, по мнению главнокомандующего Организации Североатлантического договора, «настоящая ключевая причина» бомбардировок НАТО «заключается не в вопиющих нарушениях прав С. Милошевичем в Косово, произошедших до марта 1999 года, равно как они не были вызваны массовыми выселениями людей из их домов в период после первых авиаударов. Важнейшим импульсом проведения военной операции было стремление НАТО навязать свою волю руководителю страны, чье открытое неповиновение сначала в Боснии, а затем и в Косово подрывало авторитет американской и европейской дипломатии и умаляло влияние самой НАТО»{111}.

Б. Клинтон и Т. Блэр неоднократно давали понять, что главной причиной для опасений является «угроза подрыва авторитета» мировых сверхдержав. Эта же идея была высказана в докладе министра обороны США Уильяма Коэна в Конгрессе. В целом фальсификация хронологического порядка событий стала нормой и не вызывает чьего-либо возмущения, что подтверждает книга Кларка.

Эндрю Бачевич, профессор кафедры международных отношений и истории Бостонского университета, представляет все в еще более циничном свете, отмечая всяческие гуманитарные основания военной операции. Применение силы Клинтоном в Боснии в 1995 году и в Сербии в 1999 году, «несмотря на официальные версии, не было направлено на прекращение этнических чисток и не являлось неким зовом совести, а имело своей целью предупредить угрозы единству стран-участников НАТО и подрыва авторитета США». «Соблюдение обязательств перед жителями Косово», как он полагает, никого не волновало. Натовские бомбардировки «должны были стать уроком всякому европейскому государству, питающему иллюзии, что на него не распространяются нормы и правила новой системы международных отношений в эпоху после холодной войны», которые установил Вашингтон. Важно было «утвердить гегемонию США в объединенной, интегрированной и свободной Европе». С самого начала разработчики планов военной операции в Сербии пришли к пониманию, [что] ее целью является поддержание превосходства США в Европе и «предотвращение отхода Европы от прежних правил», среди которых особняком стоит норма о доминировании США{112}.

Четыре года спустя европейские страны и США потеряли интерес к этому региону. Половина населения Косово живет в нищете. Радикальные исламистские группы зарабатывают себе очки «на негативных настроениях, которые рождает беспечность действий международного сообщества». Такие группы взяли под свой контроль распределение «еды, одежды, мест в лагерях для беженцев», а также техники для выращивания местным населением скудного урожая. Это позволяет проводить аналогии с действиями исламистских групп в Афганистане, политика которых известна как «феномен „Талибана“». Характер политики стран Запада после прекращения конфликта в Косово «дает основания полагать, что именно они несут прямую ответственность за создание в Европе своего „Талибана“»{113}.

Ситуации в Косово и Восточном Тиморе не только условно выбраны в качестве наиболее ярких наглядных примеров для понимания новой эпохи гуманитарных интервенций, но также, чтобы продемонстрировать, «как изменяется формат политики и роль ООН» в новых условиях. Политика стран Запада, утверждающая новые международные стандарты поведения, в этих двух случаях свидетельствует об устаревании норм Устава ООН. В новой системе международных отношений вторжение в любую страну без санкций Совета Безопасности становится легитимным. Как справедливо заметил декан факультета общественных и международных отношений им. В. Вильсона Принстонского университета, «ООН и все мы должны сделать четкие выводы из сложившейся практики международных отношений» после вторжения в Ирак, в основе которой лежат кардинально новые принципы{114}.

Как показывают документальные свидетельства, наше беспокойство должны вызывать более серьезные вопросы: каким образом сверхдержавы могут устанавливать международные нормы для обоснования заявляемых ими «суверенных прав на использование военной силы» по собственному усмотрению (слова Колина Пауэлла) и каким образом даже недавние события могут реконструироваться в интересах отлажено действующих доктринерских систем. Именно на этом стоит сконцентрировать свое внимание, особенно тем, кто всерьез думает о будущем.

ПОТРЕБНОСТЬ В НОВЫХ КОЛОНИЯХ

По мере развития кризисной ситуации в Восточном Тиморе и в Косово на протяжении 1999 года Колумбия заняла место Турции в качестве основного потребителя вооружений США. Не трудно понять причины: к этому моменту основные цели государственного террора в Турции были достигнуты, а в Колумбии еще нет. На протяжении 1990 года и в новую эпоху Просвещения Колумбия демонстрировала, очевидно, самые низкие показатели соблюдения прав человека в Западной полушарии и вместе с тем стала главным потребителем военной помощи США на полушарии. Эта четкая взаимозависимость не вызвала бы ни у кого настороженности, если бы стала известной за пределами ученой среды и диссидентских кругов.

Репрессивные меры в отношении населения Колумбии включали такие способы, как выселение людей с территории их проживания посредством применения боевых химических отравляющих веществ (называемые «дезинфекцией») под видом кампании по борьбе с

наркотиками, во что мало кто может поверить.

Один из ведущих исследовательских центров отметил, что «существуют скандальные, провокационные факты того, как политика США по контролю над производством наркотиков позволила укрепить систему, которая на локальном уровне внутри колумбийского общества обеспечивала интересы безопасности и экономические интересы США за рубежом»{115}. Многие криминалисты и международные обозреватели считают такую оценку ситуации сильно заниженной. Более детальное рассмотрение проблемы помогает понять, почему действия, финансируемые США, осуществляются с большим энтузиазмом и рвением, даже когда они хронически не приводят к изначальной цели борьбы с наркотиками, и почему получают недостаточное финансирование меры, такие как запрет и лечение, которые общепризнанно считаются гораздо более эффективными.

Губернаторы регионов, пострадавших от такой политики, совместно с крестьянами и активистами правозащитных организаций выступили с предложениями уничтожить вручную плантации коки и мака и поддерживать выращивание альтернативных культур, но это не возымело действия. Тем временем почва была отравлена химикатами, используемыми при «дезинфекции», увеличился процент детской смертности, а обездоленные разрозненные группы жертв страдали от отравлений и испытывали невероятную боль.

Крестьянская агрокультура основана на глубоких традициях знания и опыта, накопленных за многие столетия, как правило, передаваемых от матери к дочери. Несмотря на значительность этого достижения человека, его конструкция очень хрупка и может быть безвозвратно утеряна в течение жизни одного поколения. Традиционная крестьянская культура Колумбии уничтожается вместе с редчайшим богатством биоресурсов этой страны. Кампезинос — местные этнические группы — и афроколумбийцы пополняют миллионные труппы и лагеря временного содержания. С уходом с земель коренных местных жителей транснациональные компании могут беспрепятственно опустошать все имеющиеся в горных массивах залежи угля, добывать нефть и другие ресурсы. Остаток земли, лишенный богатства своих недр и биологического многообразия природы, можно, вероятно, использовать под строительство ранчо для обеспеченного класса или для сельского хозяйства, работающего на экспорт. Хорошо информированные аналитики и различные наблюдатели описывают программу Вашингтона по «дезинфекции» как новый этап исторического процесса отделения бедного крестьянства от их земли в интересах иностранных инвесторов и верхушки колумбийского общества.

Как многие точки земного шара, где царят беспорядки и государственный террор, Колумбия вместе с тем занимает лидирующие позиции по производству нефти и является крупнейшим экспортером этого сырья. То же самое можно сказать о Чечне, Западном Китае, диктаторских режимах Центральной Азии. Этот список можно дополнить многими другими странами, где после событий 11 сентября 2001 года под предлогом «войны с террором» и в ожидании одобрения из Вашингтона резко возрос уровень насильственных действий государства. Правозащитные организации и Государственный департамент США пришли к единому мнению, что ответственность за подавляющее большинство вспышек насилия в Колумбии можно возложить на совесть военных и полувоенных структур, которые представляют собой «шестую дивизию» колумбийской армии, состоящей из пяти дивизий.

Это, по мнению правозащитной организации «Хьюман райтс уоч», вызвано тесной связью регулярных формирований и различных военизированных структур. Количество преступлений, приписываемых нерегулярным военизированным формированиям, увеличивалось по мере того, как совершение преступлений становилось прерогативой частных, локальных групп (что диктовала неолиберальная политика). Эта тенденция была весьма распространена: сербские власти использовали добровольческие группы милиции на территории бывшей Югославии, Индонезия — в Восточном Тиморе, турецкие власти — на юго-востоке своей страны, а также многие другие прибегали к данному «эффективному» средству. Повышение значимости использования малых вооруженных групп характерно также для международных конфликтов. Контроль над проведением ранее упомянутых операций по «дезинфекции» почвы в Колумбии осуществляли «частные» компании, в состав которых входили военные, американские боевые офицеры, работающие по контракту на Пентагон. Это распространено по всему миру и позволяет США избегать прямой ответственности.

Даже если у кого-то осталась вера в правдивость аргументов США о борьбе с наркотиками, все подобные идеи носят скандальный характер. Представьте себе, если бы Колумбия или Китай выступили бы с предложениями осуществить программы «дезинфекции» где-нибудь в Новой Каролине, чтобы уничтожить субсидированные американским правительством агрокультуры, используемые для производства вредных и смертоносных продуктов, которые эти страны не только обязаны импортировать под страхом введения экономических санкций, но также должны рекламировать для привлечения зависимого от них населения.

В последнее время появился новый и вместе с тем уважаемый многими людьми литературный жанр, посвященный изучению пробелов в культуре, которые мешают нам адекватно реагировать на окружающие нас преступления. Несомненно, эта тема интересна, но нас вполне справедливо занимает другой вопрос: почему мы так упорно продолжаем не замечать собственных противоправных действий, когда поощряем различные смертоносные режимы? Полезно как-нибудь задать себе вопрос, как часто и с какой легкостью мы можем встретить в современной публицистике сопоставления изъянов в действиях руководителей собственных государств с порочными проявлениями политики в Турции, Колумбии, Восточном Тиморе и многих других странах. Мы слишком рано впадаем в восторг и делаем необдуманные выводы в связи с приходом новой «главенствующей идеологии», установленной, как нам кажется, плеядой глубоко нравственных и просвещенных государств, которые действуют в соответствии с принципом о том, что «всякое государство ответственно за защиту собственных граждан». «Если же лидеры какой-либо страны оказываются не в состоянии или не желают соблюдать этот принцип, они подвергают свою страну угрозе военного вторжения, санкционированного Советом Безопасности ООН, или, в случае бессилия Совбеза (как было в Косово), отдельными странами, что довольно часто „приводит к шокирующей своей антигуманностью политике“»{116}. Примечательно, что вспышки насилия, сравнимые по своему характеру или еще более страшные, чем те, что были спровоцированы С. Милошевичем в Косово до начала бомбардировок НАТО, никого не «шокировали», особенно если учесть непосредственную причастность европейских стран к этим событиям. Такие ситуации были частым явлением даже в тех случаях, когда преступления творились не просто вблизи, но непосредственно на территории НАТО.

В случае с Турцией «обстоятельства, которые должны были вызвать негодование и шок», оставались без внимания США до того момента, когда в начале 2003 года правительство этой страны отклонило требования Вашингтона предоставить силам США возможность атаковать Ирак с турецких территорий. Об этом США было объявлено после того, как 95 процентов граждан Турции выразили свое нежелание следовать предложенному им решению. Именно тогда появились публикации «об ужасных фактах пыток, убийств, исчезновения турецких курдов, об уничтожении более чем 3000 курдских поселений». При этом приводились многочисленные сведения правозащитных организаций, которые фигурировали в более подробном изложении и ранее, до того, как репрессии набрали силу, но в тот момент при обнародовании чудовищных фактов насилия и геноцида резонанс был сведен на нет при активном участии США. По сей день решающее участие США в этих вопросах остается скрытым. Как и прежде, единственное, что можно сказать по этому поводу, это то, что США «смирлись» с притеснением курдов (Ариэ Наер){117}.

Масштабную поддержку насильственных акций трудно назвать «примирительной позицией». Факты репрессий в отношении курдов должны быть у всех на слуху, пока Вашингтон ведет подготовку собственных преступлений, которые станут известны только после их осуществления, и США смогут безболезненно избежать ответственности за них. Эта привычная для американской политики практика вызывает глубокую обеспокоенность у всех официальных врагов и оппонентов США. Одного признания фактов неправомерности действий американских властей мало для обеспечения нормализации ситуации в будущем.

Другая популярная идея в отношении миссии просвещенных государств состоит в том, что «потребность... в создании колоний так же велика, как и в девятнадцатом веке». Это позволит принести принципы порядка и справедливости во все уголки мира, и в этом заключается призыв «постмодернистских» обществ. Таких взглядов придерживается главный советник Тони Блэра по внешней политике Роберт Купер{118}. Его внимание не привлекло то, почему в девятнадцатом веке была столь сильная «потребность в колониях» и почему Великобритания, Франция и Бельгия как носители западных ценностей вместе с колониями приняли на себя огромную ответственность. Трезвый взгляд на положение дел в современном мире действительно подтверждает правоту его слов о злободневности колоний теперь, как и во времена, которые вызывают в его сердце ностальгию. Иными словами, мы можем узнать многое о «просвещенных государствах», если обратим свое внимание на их послужной список и то, как они пытались представить свои заслуги на различных этапах истории.

Не стоит недооценивать всей степени трансформаций, которые произошли с момента окончания Второй мировой войны. Одно из таких изменений Роберт Джервис называет «крупномасштабным изменением, пожалуй, одним из наиболее значительных сдвигов в международной политике за всю историю»: в Европе наконец установился мир и — хотя не все с этим согласны — демократические государства перестали враждовать друг с другом{119}. Именно на этот серьезный сдвиг указывает Купер, разделяя мнение тех, кто приветствовал рождение «мировой постмодернистской системы» права, справедливости, цивилизованности. Вместе с тем он полагал, что странам Запада «придется вернуться к использованию более жестких методов прошедшей эпохи — применению силы, нанесению превентивных ударов, к уловкам различного рода. Словом, необходимо будет прибегать ко

всем доступным средствам, в том случае, когда приходится иметь дело с теми, кто по-прежнему живет ценностями девятнадцатого века, где каждое государство выступает само за себя». Западные страны просто обязаны действовать «по законам джунглей... если они живут в джунглях», — именно такой позиции они придерживались в прошлом, которого они так сильно стыдятся.

КАК ЗАЩИТИТЬ НЕПОСЛУШНЫХ ДЕТЕЙ ОТ БЕДЫ

В конце девятнадцатого века действия просвещенных государств, которые пытались избавить варварские народы от тяжелого бремени невежества посредством насилия, разрушения и разорения, вряд ли были достойны похвалы. Они проводили такую политику, исходя из богатого опыта выдающихся лидеров прошлого, вынужденных давать отпор «колоссальной волне разрушительных, антигуманных доктрин и разорительных поползновений». Они задавались вопросом: «Что станет с нашими религиозными и практическими институтами, с моральными устоями наших правительств и с системой консервативных взглядов, которые предохраняют нас от полной разобщенности, когда [не удастся сдержать и преодолеть] пагубное влияние и распространение порочных ценностей». Эти опасения были высказаны царем Александром I и министром иностранных дел Австрии К. Меттернихом в отношении «пагубной республиканской доктрины и идеи народного самоуправления, [которую проповедовали] сторонники антимонархического мятежа в Новом Свете». Говоря языком современных политических стратегов, эти опасные явления могли сработать по принципу домино. Зараза этих доктрин, предупреждали они, «пересекает моря и часто проявляется со всеми присущими ей разрушительными симптомами в самых неожиданных местах, где ни прямое отношение к ней, ни непосредственная близость не вызывают предчувствия опасности». Еще страшнее стало, когда эти бунтари против монархического порядка объявили о намерении расширять свое господство и владычество, провозгласив доктрину Монро. Как позднее об этом отзывался Бисмарк, «типичное американское проявление непростительной заносчивости»{120}.

Бисмарку не надо было дожидаться прихода эры вильсоновского идеализма, чтобы понять смысл доктрины Монро. Его соображения президенту В. Вильсону изложил госсекретарь США Роберт Лансинг. В. Вильсон отметил неопровержимость взглядов Бисмарка, однако при этом решил, что будет «неразумно» обнародовать их.

“ «Придерживаясь доктрины Монро, США реализуют собственные интересы. Суверенитет других наций американских континентов — это историческая случайность, а не конечное состояние. Может показаться, что здесь нет ничего, кроме эгоизма, однако создатель доктрины руководствовался самыми возвышенными целями, провозглашая ее»{121}.

Существовавший баланс сил на международной арене не позволял использовать доктрину в действии, хотя В. Вильсону удалось установить доминирование США в регионе Карибского

бассейна посредством силы, оставив нелегкое наследие современной Америке. Он успешно продвигал эту политику далее, когда вытеснил своего соперника — Великобританию — из богатой нефтью Венесуэлы и когда поддержал коррумпированный и порочный режим Хуана Висенте Гомеса, который предоставил американским компаниям свободу действий в стране. Политика открытых дверей и свободной торговли была сформулирована в привычном формате: оказание давления на Венесуэлу с тем, чтобы не допускать партнерских отношений с Великобританией, при этом продолжая отстаивать и укреплять права США на нефтяные разработки на Ближнем Востоке, где Великобритания и Франция занимали лидирующие позиции. К 1928 году Венесуэла стала одним из главных экспортеров нефти, а нефтяными промыслами руководили американские компании. Такая политика привела к тому, что к 2003 году Венесуэла представляла собой страну с рекордными показателями бедности населения, при том, что ее потенциал и ресурсы были направлены на обслуживание интересов иностранных инвесторов, а не собственных граждан.

Зона американского влияния во времена В. Вильсона оставалась все еще ограниченной, но, по прозорливому замечанию президента Уильяма Говарда Тафта, «не за горами тот день, когда все полушарие будет нашим, на что мы уже теперь имеем полное моральное право благодаря превосходству нашей расы». Администрация В. Вильсона разъясняла непонятливым латиноамериканцам, что это происходит потому, что они «всего лишь дети, которые пользуются правами взрослых» и им необходима «жесткая рука, авторитарная рука». Не стоит, тем не менее, пренебрегать и более мягкими средствами. Иногда полезно «погладить их по голове и дать им понять, что мы им симпатизируем», — советовал президенту Эйзенхауэру госсекретарь Джон Фостер Даллес{122}.

В других уголках мира есть свои непослушные дети. В. Вильсон рассматривал филиппинцев как «детей, которые подчиняются взрослым, поскольку находятся под их опекой», — или, по крайней мере, как если бы они перенесли освобождение, к которому он призывал, при этом превознося свой альтруизм. Его госсекретарь также считал итальянцев «детьми, которых необходимо направлять, и теми, кому необходима поддержка, как ни одной другой нации». Поэтому последователи В. Вильсона считали оправданным и правильным оказывать поддержку с самым горячим рвением «славной молодой революции» фашистов во главе с Б. Муссолини. Итальянские фашисты, по мнению Вильсона, устранили опасность демократии в итальянском обществе, которое «истосковалось по сильной власти и наслаждается... суровым стилем правления».

Эта идея не теряла своей актуальности в течение 1930-х годов и получила второе рождение сразу же после войны. В 1948 году власти США предприняли попытку подорвать демократический режим в Италии, изымая продовольствие у голодающих людей, возродив институт фашистской полиции и угрожая введением еще более жестких мер. В это время один сотрудник отдела Государственного департамента США, курирующего отношения с Италией, заявил, что политические трансформации не должны быть такими, «чтобы любой итальяшка понимал, в чем суть дела».

Ф. Рузвельт считал, что гаитяне были «немногим лучше примитивных дикарей». Существуют мнения, что именно он переписал Конституцию Гаити в период вильсоновской военной оккупации страны таким образом, чтобы предоставить возможность крупным компаниям

США получить в распоряжение земли и природные ресурсы Гаити, после того как ее непокорный парламент был разогнан американскими морскими пехотинцами. Когда правительство Эйзенхауэра искало возможность свергнуть пришедшего к власти на Кубе в 1959 году Ф. Кастро и его соратников, из уст руководителя ЦРУ А. Даллеса звучали возгласы возмущения: «На Кубе нет дееспособной оппозиции Кастро». Одну из причин такого положения дел он видел в том, что «в этих примитивных солнечных республиках у граждан гораздо меньше запросов, чем в более продвинутых обществах», так что они не способны понять всю степень трагичности собственного существования»{123}.

О необходимости дисциплины настойчиво говорили в течение многих лет. Об этом с очевидностью свидетельствует один пример из современной жизни. В то время, когда консервативное правительство парламентского большинства Ирана попыталось монополизировать добычу естественных полезных ископаемых и природных ресурсов, США и Великобритания спровоцировали военный переворот, чтобы привести к власти послушный режим, который на протяжении двадцати пяти лет держал в страхе иранцев. Этот переворот имел и более глубокое значение, о чем заявил редактор «Нью-Йорк таймс»: «Развивающимся странам, обладающим богатыми природными ресурсами и подвергающимся серьезным испытаниям, на примере одной из них наглядно продемонстрировали, какими тяжелыми могут быть последствия, если они впадут в преступный фанатичный национализм... Опыт Ирана может послужить укреплению влияния более благоразумных и дальновидных политических лидеров, которые теперь имеют четкое представление о правилах подобающего поведения»{124}.

Такая же демонстративная акция была проведена в непосредственной близости от границ США, на конференции в Чапультепеке (Мексика) в феврале 1945 года, где были сформулированы принципы послевоенного порядка, в условиях которого доктрина Монро могла получить дальнейшее развитие в вильсоновском духе. В этот период латиноамериканские страны, по мнению экспертов Госдепартамента США, находились под сильным воздействием так называемой «философии Нового национализма»[4], [которая] предполагает проведение политики, направленной на обеспечение широкого доступа граждан к социальным благам и на повышение уровня жизни широких социальных слоев». Политики в Вашингтоне опасаются того, что «экономический национализм является квинтэссенцией стремлений наращивать темпы индустриализации». Так было в Великобритании, в США и практически в любой стране, прошедшей путь индустриализации. «Руководители латиноамериканских стран убеждены, что граждане должны больше всего выиграть от освоения природных ресурсов». Это не приемлемо: более всего должны выиграть США, а латиноамериканские страны имеют лишь обслуживающие функции. В связи с этим в США был разработан «Панамериканский экономический устав», одной из важнейших задач которого стало искоренение экономического национализма «в любых его проявлениях»{125}. Но с одним исключением: экономический национализм остался ключевым элементом экономики США, которая в большей степени, чем раньше, опирается на динамично развивающийся государственный сектор, часто прибегая к использованию протекционистских мер.

Стоит вспомнить, что даже в самые острые моменты периода холодной войны наиболее проникательные наблюдатели понимали, что главная угроза коммунизму заключается в

экономических трансформациях, осуществляемых в коммунистических странах «таким образом, что происходит снижение интереса и возможностей их взаимодействия с западными экономическими системами». Это еще одно проявление «философии Нового национализма», отправной точкой которого в данном случае является 1917 год{126}.

Опасения подобного рода, по мнению историка Дэвида Шмитца{127}, объясняют то, с каким упорством «американские высокопоставленные политики разрабатывали и использовали целую аргументационную базу в период между двумя мировыми войнами для установления контактов с крайне правыми диктатурами» фашистского толка в Европе. По их замыслу это позволило бы обезопаситься от «коммунистической угрозы» не в военном понимании этого слова, а в социально-экономическом. Стоит особо отметить «систему аргументов», лежащих в основе контактов с фашистскими режимами, хотя бы потому, что этот прием столь часто встречается в американской политике вплоть до настоящего времени. Рассмотрение этой ситуации позволяет понять, что формат современных международных отношений во многом определяют мировые державы и частные организации. Они были одновременно «тиранами и угнетателями», выражаясь языком Джеймса Мэдисона, когда он с беспокойством размышлял о судьбе демократического эксперимента, к созданию которого имел прямое отношение.

Укрепление позиций фашистов в период между двумя войнами вызывало беспокойство, однако в целом оценивалось правительствами США и Великобритании, деловыми кругами и значительной частью элиты как предпочтительное явление. Причины этого кроются в том, что фашистская крайняя форма национализма способствовала экономическому проникновению Запада и пресекала всяческую возможность возникновения опасных рабочих движений и левых политических организаций, а также излишнего демократизма (избыточного), который является благодатной почвой для зарождения этих нежелательных явлений. Поддержка Муссолини была чрезмерна. У многих людей «этот восхитительный итальянский джентльмен» (как его называл президент США Ф. Рузвельт в 1933 году) вызывал глубокое уважение до начала Второй мировой войны. Эти симпатии в равной степени распространялись на гитлеровскую Германию. Кстати, не будем забывать, что самые чудовищные режимы в истории появлялись в странах, которые, в определенном смысле, служили образцом для европейской цивилизации в развитии науки и искусства, а также образцом демократического развития. Так было до тех пор, пока международный конфликт не достиг уровня, при котором невозможно долго соответствовать указанным понятиям демократичности и цивилизованности{128}. Эти режимы — так же как полвека спустя режим Саддама Хусейна — пользовались значительной поддержкой англо-американской коалиции вплоть до того момента, когда агрессивные действия Гитлера нанесли ощутимый вред интересам США и Великобритании.

Фашистов стали поддерживать с самого начала. Посол США Хенри Флетчер положительно оценил приход их к власти, что немедленно привело к нарушению функционирования парламентской системы и к жесточайшему подавлению деятельности профессоров и политической оппозиции. Он привел доводы, которые легли в основу стратегии внешней политики США на последующие десятилетия, как в этом регионе, так и по всему миру. У Италии, писал он госсекретарю США, есть две альтернативы: либо «Муссолини и фашизм», либо «Джиолитти и социализм».

Джиолитти был ключевой фигурой итальянского либерализма. В 1937 году, десять лет спустя, Государственный департамент США продолжал рассматривать европейский фашизм в качестве сдерживающей силы, которая «должна развиваться, в противном случае народные массы обратятся к левой идеологии в условиях общей разочарованности средних слоев общества». В том же году посол США в Италии Уильям Филипс «выразил свое восхищение стремлением Б. Муссолини улучшить условия жизни широких слоев населения страны» и обнаружил «массу доказательств» в подтверждение идеи фашистов о том, что «они являлись настоящими демократами, поскольку главной целью их деятельности было увеличение общественного благосостояния». О достижениях Муссолини он отзывался не иначе как об «изумляющих и рождающих неизменное восхищение», а также с энтузиазмом нахваливал его «неординарные человеческие качества». Государственный департамент США выражал полное согласие с этими оценками и, помимо всего прочего, с одобрением отнесся к «внушительным» достижениям Муссолини в Эфиопии, а также приветствовал фашистов, которые «создали порядок в общем хаосе, дисциплину в условиях беззакония и обеспечили платежеспособность обанкротившейся страны». В 1939 году Ф. Рузвельт оценивал итальянский фашизм как «чрезвычайно важное явление в мировом масштабе, хотя по-прежнему находящееся на экспериментальной стадии своего развития».

В 1938 году президент Рузвельт и его доверенное лицо из ближайшего окружения Самнер Уэллес одобрили положения «Мюнхенского соглашения» о разделении территории Чехословакии. Как уже ранее отмечалось, Уэллес полагал, что «это соглашение создавало возможность построения новой системы международных отношений, которая была бы основана на принципах справедливости и нормах закона», а нацистским силам в этой системе отводилась бы важная роль международного арбитра. В апреле 1941 года Джордж Кеннан из Берлина по консульской почте направил письмо, в котором заверял руководство США, что германские лидеры меньше всего хотят «увидеть страдания народов под властью Германии» и всерьез озабочены тем, чтобы сделать жизнь своих новых подданных счастливой, они готовы идти на «серьезные уступки» для обеспечения благоприятного разрешения ситуации.

Деловые круги проявляли также горячий оптимизм в отношениях с европейскими фашистами. Италию захлестнул поток инвестиций. «Эти итальяшки не так просты, как кажутся» — под таким заголовком вышла статья в журнале «Форчун» в 1934 году. После того как к власти в Германии пришел Гитлер, инвестиции рекой потекли в страну. Причины были теми же самыми, что и в Италии: устанавливалась стабильность, благоприятствующая развитию деловых отношений, и была ликвидирована угроза массовых волнений. До начала войны в 1939 году, пишет Скот Ньютон, Великобритания оказывала большую поддержку Германии, так как между двумя странами существовала отлаженная система промышленных, коммерческих и финансовых связей. Это также было важно для «политического истеблишмента, который стремился обезопасить себя» от нарастающего давления демократических масс{129}.

Даже после того, как США вступили в войну, их позиция сохранила противоречивость. К 1943 году, а еще больше после окончания войны, США и Великобритания активизировали свою деятельность, направленную на смягчение антифашистских настроений по всему миру и восстановление некоего подобия былого статуса-кво. При этом самым большим военным

преступникам часто отводились значимые роли{130}. На базе документальных свидетельств Шмитц приходит к выводу, что «идеологическая основа и основополагающие цели американской политики абсолютно последовательны на протяжении второй половины двадцатого века. В период холодной войны потребовались „новые подходы и тактика“» действий, однако общая направленность на предупреждение угроз левого толка, которой США придерживались в 1920–1930-е годы, осталась неизменной{131}.

«Аргументационная база», о которой говорил Шмитц, сохранила свою актуальность и по сей день, несмотря ни на что, принося несчастья и разрушения. Алан Тонельсон отмечал, что политическое руководство повсеместно сталкивалось с «тягостной проблемой» совмещения общего стремления к демократии и свободе с вопиющими последствиями политики США, «которые допускают ужасные вещи для достижения желаемого результата». Наиболее сильным желанием США является предоставление их предприятиям беспрепятственного доступа к внешним рынкам и по возможности утверждение их монопольных позиций посредством проведения активной государственной экономической политики, что должно привести к созданию «мировой интегрированной капиталистической экономической системы, в которой США будут доминировать»{132}.

В то же время большие опасения, чем сама «философия Нового национализма», вызывало вероятное распространение данных ценностей как «вируса», и притом не насильственно, а путем заимствования чужого опыта. Этому придавалось особое значение в прошлом. Госсекретарь Роберт Лансинг предупреждал В. Вильсона о возможном распространении большевистской заразы, «что сулит опасностью возрастания общественных волнений по всему свету». В частности, В. Вильсон выражал особое беспокойство в отношении «вернувшихся с войны чернокожих американских солдат». Приехав домой, они могли начать распространять усвоенный ими опыт деятельности солдатских и рабочих советов, появившихся в Германии с окончанием войны и пропагандировавших демократические ценности. Эти ценности одновременно неприемлемы, как для руководства стран Запада, так и для Ленина с Троцким. Подобные опасения выражало правительство Ллойда Джорджа в Великобритании. Оно отмечало распространение «враждебных по отношению к капитализму настроений» среди английских рабочих, проявлявших большой интерес к народным советам, которые существовали в России до их ликвидации большевиками. Такой контрреволюционный террор не мог рассматриваться руководством западных стран в качестве средства преодоления надвигающейся угрозы социального взрыва.

В США социальные волнения активно заглушались в рамках правительственной кампании «Красная опасность»[5] В. Вильсона, хотя к длительному эффекту это не приводило. Деловые круги выражали беспокойство в связи с неуклонным усилением «угрозы интересам производителей со стороны новых политических инициатив рабочего класса», а также по причине постоянной необходимости поиска компромисса «для предотвращения социального взрыва»{133}. Экономическое развитие СССР и общественный резонанс рождали множество страхов по этому поводу вплоть до 1960 года, когда начался период стагнации советской экономики, обусловленный во многом ускорением гонки вооружений, темпы которой безнадежно пытался снизить Генеральный секретарь СССР Н. Хрущев.

В основе холодной войны, с момента зарождения в 1917 году предпосылок для ее начала, лежал ярко выраженный конфликт «Север-Юг». Россия выступала в качестве своего рода европейской «страны третьего мира», поскольку темпы ее развития отставали от западных до Первой мировой войны, в то время как она оставалась традиционным поставщиком ресурсов и привлекательным источником для зарубежных инвесторов. Ситуация в России во многом уникальна, так как масштаб территории и военная мощь обусловили укрепление ее международного положения, особенно если учесть ключевую роль, которую она сыграла в разгроме нацистской Германии во Второй мировой войне, и обеспечили ей статус сверхдержавы в военном отношении. В то же время здесь, как и повсеместно в странах не западного мира, главную опасность представляли национализм, стремление к независимости и широкое распространение нежелательных образцов поведения и ценностей.

Если учесть эти факторы, легко понять «логичную нелогичность» действий Министерства обороны США в 1945 году, когда оно разрабатывало планы по увеличению военного присутствия США в различных регионах мира, в том числе концентрации военного контингента вблизи границ СССР, отказывая вместе с тем в таком же праве советской стороне. Кажущаяся нелогичность американской политики исчезает, как только приходит осознание того, что СССР мог «лелеять мысли» отождествления себя с «теми, кто все более начинал верить в то, что обыкновенный человек способен расширять горизонты и преодолевать невероятные трудности»{134}. Таким образом, стратегия американских властей была логичной и оправданной, хотя сперва могло показаться иначе.

Ведущие ученые разделяли эти взгляды. Джон Льюис Гэддис правдоподобно описывает развитие конфликта СССР и США, начиная с 1917 года, и приходит к заключению, что интервенция западных стран в Россию после революции была оправданной мерой самозащиты. Она была предпринята «в ответ на более масштабную и потенциально имевшую более серьезные последствия интервенцию нового советского правительства во внутренние дела не только Запада, но и практически каждой страны в мире», ведь «революция в России ставила под угрозу само существование капиталистического порядка»{135}. Таким образом, изменение социального устройства России и вероятность распространения ее опыта оправдывали проведение интервенции в эту страну в послереволюционные годы.

Нападение в таком случае являлось мерой защиты — еще одна «логичная нелогичность», смысл которой вырисовывается по мере правильного понимания содержания политической доктрины. Аналогичным образом можно понять преобладающие компоненты политики США и других ведущих европейских держав до, в течение и после холодной войны. При этом они всегда руководствовались соображениями самозащиты. Отметим, что «защитное» вторжение в Россию в 1918 году исторически ознаменовало создание доктрины превентивных военных действий, которую претворяли в жизнь радикальные националисты, реализующие свои имперские амбиции.

Вернемся к рассмотрению «колоссального сдвига в международных отношениях» в конце Второй мировой войны (то, о чем говорил Роберт Джервис). Одним из факторов этого сдвига является то, что США впервые стали участниками глобальной политики, тесня своих

европейских соперников, планомерно и уверенно создавая систему международных отношений посредством превосходящего благосостояния и мощи. Джервис здесь имел в виду создание «демократического мира». На протяжении столетий европейцы только и делали, что убивали друг друга и стремились при этом завоевать весь остальной мир. К 1945 году они поняли, что дальше так не может продолжаться: дальнейшие попытки заигрывания с военной силой могут оказаться последними в их существовании. Западные державы теперь могли применять силу против слабых государств, но только не против друг друга. Противостояние двух сверхдержав в период холодной войны подтвердило правильность этого принципа, однако не без моментов балансирования на грани мировой катастрофы.

Традиционные трактовки этих событий исходят из несколько иных посылок: «демократический мир» сводится к «некой удачной комбинации либеральных норм и институтов, таких как представительная демократия и рыночная экономика»{136}. Несмотря на очевидность этих факторов, их влияние на осуществление указанного сдвига не может быть правильно оценено без осознания того факта, что западная цивилизация находилась на грани самоуничтожения и выжила исключительно за счет благоразумного следования своим традиционным ценностям, процедурным схемам, поведенческим трендам. Теперь в Европе воцарился мир, как это произошло в Северной Америке после истребления коренного населения, после захвата половины территории Мексики и демаркации границы США и Канады, когда около 150 лет назад понятие «Соединенные Штаты» стало восприниматься как единое, а не множественное. В целом же направление и характер деятельности, институты и преобладающие культурные ценности преимущественно оставались неизменными.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 31 июля 2025 13:24:35

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 31 июля 2025 13:26:28